

A close-up portrait of an elderly woman with her eyes closed, wearing a patterned headscarf and a dark shawl. The background is a soft-focus outdoor setting with greenery and a wooden fence. The text is overlaid on the lower half of the image.

Анна
Берсенева

Вангелия

Анна Берсенева
Владимир Михайлович Сотников
Вангелия

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6246203

Вангелия: Эксмо; М.; 2013

ISBN 978-5-699-67879-2

Аннотация

Эта книга написана по сценарию первого в мире художественного фильма о болгарской ясновидящей Ванге (1911—1996). Знаменитая прорицательница, предсказавшая многие значительные события современной истории – срок жизни Сталина, ввод советских войск в Чехословакию, гибель Индиры Ганди, аварию подводной лодки «Курск», – предстает перед читателем не только как загадочный человек с необъяснимыми способностями, но и как женщина, судьба которой была наполнена драматичными перипетиями и динамикой сильных чувств. При этом она всегда оправдывала значение своего имени Вангелия – «та, что несет благу весть».

Содержание

Пролог	4
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	35
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	52
Глава 10	63
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Анна Берсенева, Владимир Сотников Вангелия

Пролог

Теперь их оставалось только оплакивать – это понимали все.

Закончилось время, когда еще можно было надеяться, что на «Курске» остались живые, когда слышно было еще, как стучат они изнутри затонувшей подводной лодки, надеясь на помощь.

Помощь не пришла, и мир ужаснулся этому даже больше, чем самой катастрофе «Курска», и оплакивал теперь его команду со всей искренностью, на которую способно человеческое сердце.

И в эти первые дни после того, как стало понятно, что «Курск» погиб, у многих всплыло в памяти пророчество, сделанное когда-то слепой болгарской женщиной: «Курск скроется под водой, и весь мир будет его оплакивать».

В тот год, когда оно прозвучало – за много лет до катастрофы, – в него никто не поверил. Это и понятно: с чего вдруг город, лежащий в лесостепной полосе, должен скрыть-

ся под водой? Где рядом с Курском такие реки, которые могут нести подобную угрозу? Тогда люди говорили об этом пророчестве в основном со словом «якобы».

И вот теперь оно приобрело совсем иной смысл, и женщина, которая его сделала, снова, через четыре года после своей смерти, оказалась в фокусе всеобщего внимания, как это было при ее жизни. Немало людей, узнавших о тех ее словах только теперь, чувствовали суеверный ужас.

Но те, кто близко знал ее при жизни, относились иначе и к пророчеству о «Курске», и ко всем другим ее предсказаниям, и к ней самой... Многие из них, близких, растревожены были сейчас воспоминаниями о ней и потому пристально вглядывались в прошлое – в каждое мгновение ее жизни.

С того первого мгновения, когда явилась на свет ее душа.

Часть I

Глава 1

– Дай нашей дочке имя... – голос роженицы еле доносился из угла, где стоял ее топчан. – Пойдите, прохожего спросите. Как положено...

Отец новорожденной девочки, конечно, знал, как положено: кто-нибудь из родни должен выйти на улицу и спросить у первого встречного, как назвать младенца. И как этот случайный человек скажет, так тому, значит, и быть. Но зачем же делать это сейчас?

– Куда спешить? – сказал отец девочки. – Вряд ли она выживет.

Он не то чтобы не хотел исполнить старинный обряд. Просто рассудил, что незачем тратить время на пустое дело – видно ведь, что младенец не жилец. Родилась эта девочка прежде срока, а когда ее завернули в овчину и положили на теплую печь, то даже не захныкала. Да и сейчас надо очень внимательно прислушаться, чтобы различить ее дыхание. Так зачем же ей имя? Не понадобится.

Отец девочки не был злым. Но какой крестьянин рассудил бы иначе? Тем более если этот крестьянин так беден, как Панде Сурчев, у которого только что родилась дочка. Да, ро-

дилась... Панде впервые понял, что почему-то совсем и не думает об этом событии. Но разве он виноват в том, что нужда его задавила и думать он может только о хлебе насущном?

– Ладно тебе, Панде, – голос его матери прозвучал почти укоризненно. Она оглянулась на роженицу и понизила голос. – Как бы Параскева сама не померла. – И сказала уже громко, успокаивая невестку: – Не плачь. Я пойду спрошу имя.

Параскева все равно заплакала. Понятно, жалко ей, что девочка помрет, все-таки первый ребенок. Бабка недовольно покачала головой и вышла на улицу.

Ночь была такая, какой бывает она только в горах зимой – совершенная в своей красоте. Даже бабка, привыкшая и к величественным горным вершинам, и к ярким звездам, залюбовалась ими сейчас. Все, что происходит под таким небом, происходит ведь не только в жизни человеческой, но и во всем мироздании, законы которого человеку не узнать никогда.

Но одну лишь секунду смотрела бабка на горы и звезды. Не за тем она вышла из дому поздним вечером да и на свет не за тем родилась, чтобы попусту в небо пялиться. А зачем она родилась? Да кто же это знает, и зачем же это знать?!

– Здравствуй, Магдалена, – сказала бабка. Хорошо, что первым попался ей на сельской улице не чужой человек, а соседка. – Как назвать мою внучку?

– Уже родилась? – Магдалена посмотрела с интересом. –

Что-то рановато.

«Вот злыдня! – подумала бабка. – Уже прикидывает, не обрюхатил ли кто невестку, пока сын батрачить уходил! Будто я не знала бы, если б так».

Но женщины есть женщины, им лишь бы посудачить, не ругаться же из-за этого с соседкой.

– Скажи имя, – поторопила бабка.

– Назови Андромахой, – со злорадным удовольствием проговорила Магдалена.

«Вот же подлая! – сердито подумала бабка. – И знает ведь, что отказываться нельзя».

В селе Струмице кто только не живет – и греков хватает, и македонцев, и сербов. Но Панде Сурчев к ним ко всем при чем?

– Андромаха? – пожалала плечами бабка. – Зачем девочке греческое имя? Ведь мы болгары.

– Ну и что? – Лицо Магдалены расплылось в лживой улыбке. – У меня невестка Андромаха. Такая красавица!

«Не чета твоей», – прочитала бабка в ее глазах.

Что отвечать такой ехидне? Бабка и не ответила – пошла дальше. И только за околицей пробормотала себе под нос:

– Зачем девчонке чужое имя? Бог с ним, с обычаем!

Она уже решила придумать имя сама, но тут увидела в темноте еще какую-то тень. Это был мужчина, и совсем не знакомый. Бабка даже замедлила шаг – мало ли кто бродит ночами! Может, ограбить хочет. Но и не бежать же от про-

хожего, тем более что имя для внучки так еще и не выбрано.

Бабка пошла навстречу незнакомцу. И чем ближе она подходила к нему, тем спокойнее ей почему-то становилось. Словно шла впереди него теплая волна, хотя быть этого, конечно, не могло: холодно зимою в горах, а эта зима, 1911 года, выдалась особенно морозной и снежной.

– Вечер добрый! – громко сказала бабка. Прохожий не остановился. – Скажи, как мне назвать мою внучку?

– Вангелия, – ответил он не задумываясь.

– Вангелия? – удивилась бабка.

Все было странно в этом человеке: и тепло, словно бы идущее впереди него, и уверенность, с которой он назвал имя для девочки.

– Вангелия, – повторил незнакомец. – Знаешь, что это означает? Та, что несет благу ю весть.

Этого бабка не знала. Но имя ей понравилось. Даже жаль, что такое красивое имя достанется внучке, может, совсем не надолго. Она чуть не сказала об этом прохожему, но спохватилась, что говорить такое, пожалуй, нехорошо. Впрочем, он ничего и не спрашивал – шел куда-то за околицу и даже не оглядывался.

Бабка уже почти перестала различать его силуэт в темноте – звезды-то дают свет только небу, не людям, – когда он все же приостановился, обернулся и повторил, словно беспokoился, что она не расслышала:

– Вангелия, Вангелия!

И исчез.

И как только этот странный прохожий скрылся из глаз, тьма, в которую он погрузился, вдруг осветилась. Бабка увидела, как взвихрился на каменистой земле снег, и показалось ей, что взвихрился он под копытами скачущего коня. Конь скакал не один – со всадником. Разглядеть его получше бабка не успела – успела только перекреститься. Слишком уж необыкновенным был этот сияющий всадник, страшно встретить такого в ночных горах, страшно видеть, как растворяется вдали его силуэт.

Она смотрела вслед всаднику, оторопев от... нет, не от страха даже, а от чувства, которого никогда в жизни не испытывала. Горы, звезды, тьма, свет – все это подступило к ней совсем близко, сделало ее своей частью. Да, она стала частью того, что по-прежнему оставалось для нее непонятным. Какой-то другой мир, неведомый, коснулся ее своим дыханием.

Бабка перекрестилась еще раз, для верности, зачем-то повторила:

– Вангелия, – и, потуже завязав платок, все ускоряя шаг, пошла обратно в село.

В самом начале улицы она все-таки не выдержала, оглянулась. Всадник скакал через снежное поле к горам. Он удалялся от нее, но силуэт его становился при этом крупнее, яснее, отчетливее. Бабка остолбенела и не пошла уже к селу, а побежала.

Дома все было по-прежнему. Лежала на топчане бледная как смерть роженица. Бабке вдруг показалось, что лицо невестки, сделавшееся после родов каким-то прозрачным, светится тем же светом, что и снег под летящим в горы всадником. Ей стало так страшно и так странно, что она перекрестилась снова.

– Нашли имя? – спросила невестка.

Голос ее был уже не просто тих – он напоминал шелест ветра в зимних ветках.

«Не жилица», – снова подумала бабка.

И ответила, кивнув:

– Нашла. Пусть будет Вангелия. Та, что несет благую весть, – зачем-то объяснила она.

Может, не надо было говорить такое умирающей. Но та как будто обрадовалась.

– Пусть будет счастливая... – еле заметно улыбнувшись, сказала Параскева.

И закрыв глаза, впала в забытие. Подошел Панде, встал рядом с бабкой.

– Не выживет твоя жена, – сказала та. – Как будешь дочку один растить? – И добавила: – Ну, может, и дочка тоже не выживет.

Панде смотрел хмуро. А чему радоваться? Хоть так, хоть этак – одно горе.

Бабка же тем временем не думала уже ни об умирающей невестке, ни о едва дышащей внучке. Она вспоминала всад-

ника и спрашивала себя: был ли он? И себе же отвечала: да нет, померещилось – не могло его быть. Но мысли этой, наверняка правильной, она тем не менее не верила.

Ни до, ни после этой ночи не испытывала она такого странного, пугающего чувства – прикосновения к тайне, которая больше ее самой и больше мира, ее окружающего.

Глава 2

– Скучно, – сказала Зорица. – Во все уже поиграли.

Мирослав насупился. Он всегда спорил с сестрой, но на этот раз не стал, потому что ему тоже было скучно. С девчонками всегда так. Что они могут придумать интересного?

– А пускай Ванга что-нибудь найдет! – предложила Зорица.

Мирослав сразу оживился. Все-таки сестра иногда сообщает!

– Ага, давай, – кивнул он, повернувшись к Вангелии, которая как раз заворачивала в косынку полено – вроде бы это кукла.

– Я уже сколько раз находила! – Вангелия покачала головой; ее голубые глаза укоризненно сверкнули. – Я вам что, собачонка на ярмарке?

– Ну Ва-анга!.. – просительно протянула Зорица. – Ну, ску-учно же! Ну найди-и!

Мирослав, конечно, ныть не стал, лишь бросил на Вангелию тот взгляд, которому, он давно это понял, она не умеет противиться – обязательно сделает, что он хочет. Точно так, Мирослав видел, смотрел на женщин его отец. И хоть Вангелия не женщина, а просто семилетняя девчонка, но, наверное, главное не то, сколько женщине лет, а что-то другое.

– Ну ладно, – кивнула Вангелия. – Что вам найти?

– Мою куколку! – воскликнула Зорица.

– Мой ножик, – предложил Мирослав.

Зорица достала из кармана юбки самодельную куклу из соломы. Мирослав вынул из кармана штанов заветный перочинный ножик – отец подарил в прошлом году, когда Мирославу исполнилось двенадцать лет. Оба они протянули свои сокровища Вангелии.

Та взяла куколку, подержала в руках, будто убаюкивая, и вернула Зорице. Потом точно так же взяла ножик, но даже не раскрыла его – девчонка же, им такое неинтересно, – а тоже словно бы покачала, как куклу. И тоже вернула. Она всегда так делала, прежде чем начать увлекательную для всех игру в поиски спрятанного.

Зорица сняла с головы косынку, протянула Мирославу.

– На, завяжи. Через нее ничего не видно, – сказала она.

Мирослав взял у сестры косынку и завязал Вангелии глаза. При этом он успел еще разок в них заглянуть. Даже сам себе Мирослав не признавался, что готов смотреть в глаза этой девчонки долго-долго. Почему? Он и сам не знал. Глаза у нее были самые обыкновенные, да и сама она была обыкновенная, но... Но какая-то особенная. Завораживала, как огонь или вода. А как такое может быть – непонятно. Думай что хочешь.

Потом он взял Вангелию за плечи и повернул ее к себе спиной. Теперь она уж точно не могла видеть, что он делает. А он и не стал ничего делать – протянул куколку и но-

жик сестре и кивнул: мол, прячь ты. И пока Зорица тихонько, на цыпочках кралась к соседскому плетню, на котором сушились выстиранные домотканые скатерти, Мирослав старательно елозил ногами по траве, чтобы Вангелия не могла расслышать ее шаги.

Да, он был уверен, что она не могла их расслышать. Но когда снял с ее глаз косынку, то она лишь совсем чуть-чуть помедлила – постояла, склонив набок голову, словно прислушиваясь к себе, – а потом уверенно пошла к плетню.

– Ты слышала, как я шуршала! – закричала Зорица, когда Вангелия приподняла висящую на плетне скатерть и выудила из-под нее куколку и ножик; Зорица прикрепил их к прутьям.

– Ты не шуршала, – возразила Вангелия. – И ничего я не слышала.

– Слышала!

– Не слышала!

– А как тогда узнала, где я спрятала?

– Не знаю!

Тут Вангелия, кажется, сама удивилась. Мирославу показалось, что она посмотрела вопросительно, но не на него и не на Зорицу, а как будто бы на себя. Внутрь себя.

Но тут же этот ее странный взгляд сделался обычным, как у всех девчонок, – немного веселым, немного беспечным, немного вредным.

– Мне домой пора! – Вангелия махнула рукой. – Скоро

отец придет – надо его покормить.

И не глядя больше на Зорицу с Мирославом, побежала к своему дому, который стоял в конце улицы. Мирославу жаль стало, что она убежала. Все-таки она была особенная девчонка, эта Вангелия. И то, что она могла вот так вот, не глядя, найти любую спрятанную вещь, было лишь еще одним тому доказательством.

– Может, она колдунья? – на всякий случай спросил он у сестры.

– Не, – возразила Зорица. – Колдуньи злые, а Ванга хорошая.

Обедал отец всегда молча. Он и жил в основном молча. А о чем говорить? И так все ясно: жизнь тяжела, и это никогда не переменится, завтра будет так же, как сегодня, и надо благодарить Бога, если не хуже.

Ванга подала отцу миску с таратором – холодной похлебкой из кислого молока с огурцами – и кукурузную лепешку. Это был хороший обед, сытный. Хоть жили они с отцом бедно, но поесть в доме всегда было что, и Ванга гордилась тем, что ведет хозяйство как взрослая. Наверное, и мама так же вела бы дом, если бы не умерла, родив ее; так иногда думала Ванга. Да нет, при маме все было бы, конечно, по-другому – лучше, богаче, радостнее. Может, и отец был бы хоть чуточку повеселее, хоть иногда бы улыбался, а так – Ванга не помнила ни одной его улыбки. Он только усмехался иногда, да и то невесело.

– Трудно тебе одной с хозяйством? – спросил вдруг отец. Он уже доел таратор и вымазывал миску остатком лепешки.

– Нет, – пожала плечами Ванга. – Я же все умею.

– Да и какое у нас хозяйство? – усмехнулся отец. И без перехода сказал: – Ванга, я решил жениться.

– А... на ком? – удивленно спросила Ванга.

Соседки часто судачили, что Панде Сурчеву надо бы жениться, негоже мужчине без жены, и дочка его слишком мала, чтобы одной справляться с хозяйством. Но рассуждая таким образом, они всегда добавляли: только кто ж за него пойдет, за бедняка и батрака?

Потому Ванга и удивилась отцовскому решению.

– На ком ты хочешь жениться, папа? – повторила она.

– Еще не знаю, – ответил отец. – Буду искать невесту.

– Не знаешь – и женишься?

Ванга изумленно посмотрела на него. Отец не ответил.

После обеда он снова ушел в поле, где батрачил на хозяйна. А она думала о его словах до самого вечера. И вечером, когда он вернулся и лег спать, думала тоже. Голова у нее стала горячая от этих дум, от вопроса, на который не находилось ответа в ее голове...

Ванга потихоньку прошла через комнату – два шага всего надо было сделать – и вышла на двор.

Она сидела на скамеечке, прислонившись к стене дома. Глиняная стена за длинный жаркий день налилась солнцем

и не остыла к ночи. Она согрела и, казалось, успокаивала.

– О чем задумалась, Ванга?

Ванга вздрогнула. Она не слышала, как вышел во двор отец.

– Так... – нехотя проговорила она. Стыдно говорить про такое с женщиной, пусть даже и с отцом, но понять очень хотелось, и потому она все же спросила: – Папа, а как же ты будешь жениться на чужой женщине?

Отец пожал плечами.

– А на ком женятся? На чужих женщинах. Не на родне же.

– Но ты же ее не любишь! – воскликнула Ванга. – Даже не знаешь, кто она...

– Все так женятся.

– Все не любят свою невесту, когда женятся?

Ванга не поверила отцу. Вон, когда у соседа Бориса была свадьба с Красимирой, они так друг на друга смотрели! И целовались крепко-крепко.

– Эх, дочка! – сказал отец. – Женятся, чтобы выжить. Одному тяжело. С хорошей женой голова на месте и в хозяйстве порядок. А любовь – не наша игрушка.

– Разве любовь игрушка? – покачала головой Ванга.

Дым от отцовской самокрутки плыл в теплом ночном воздухе, улетал к небу. Ванга любила, как пахнет этот родной дым. Счастье было в этом запахе.

– Игрушка, игрушка, – повторил отец.

А почему он так думает? Не объяснил. Он никогда ничего

не объяснял своей маленькой дочери. Наверное, думал, что живет так просто и понятно, что тут и объяснять нечего.

– И я так замуж пойду? – тихо спросила Ванга.

– И ты. Все так.

Глава 3

Танке недавно исполнилось восемнадцать, а самой красивой девушкой в Струмице ее считали уже давно – года два, не меньше. К такой красавице, да еще из хорошей, зажиточной семьи всякий рад был бы посвататься, но жених у Танки уже был, и такой завидный, что другие не обивали понапрасну порог ее дома.

А ей хорошо было в этом доме, в этом большом саду, где отец ее и дед посадили каждое деревце! Скоро, скоро они с Гораном сыграют свадьбу, а пока – почему же не порадоваться родительской любви, почему не посмеяться, не повеселиться напоследок с подружками?

Этим Танка как раз и занималась ясным летним вечером. То есть не только этим, конечно: дела всегда найдутся. Вот сейчас за болтовней и смехом девушки собирали ежевику.

– И тут он ее ка-ак поцелует! – рассказывала Танка, ловко обрывая ягоды с колючих веток. – А она глаза закрыла и убежала!

Все в очередной раз захохотали, а подружка Милана сказала:

– Врешь ты все, Танка! Чего ей бежать? Она же сама в него влюблена. А уж как он ее любит...

– Да она испугалась! – воскликнула Танка.

Может, Милана снова хотела возразить, но тут до девушек

донесся голос Танкиного отца:

– Танка! Где ты? Зайди в дом.

– Иду, папа! – крикнула она и, поставив на землю миску с ежевикой, побежала на зов.

Так и не успела доспорить с подружками о радостных и смешных вещах – о поцелуях, девичьем страхе и мужской любви.

Когда Танка вошла в комнату, там сидели не только отец с матерью, но и Панде Сурчев, сосед из крайнего дома. Танка немножко удивилась – зачем он пришел? Родители ее были людьми доброжелательными и открытыми, но Панде никогда не бывал у них в гостях. Она видела его лишь изредка, и всегда он был хмур и как-то мрачен. Ну да каким еще быть вдовцу-бедняку, который один растит маленькую дочку?

– Здравствуй, Панде, – сказала Танка. – Папа, ты меня звал?

– Здравствуй, Танка, – ответил Панде.

– Звал, звал, – кивнул отец. – Вот, дочка, Панде пришел к тебе свататься.

На миг Танке показалось, что она ослышалась.

– Свататься, говорю, Панде к тебе пришел, – повторил отец.

Танка вскрикнула и закрыла лицо фартуком. Потом опустила фартук, с надеждой взглянула на мать – может, все-таки ослышалась?

– Да, дочка, да, – подтвердила та. – Пора тебе замуж. Мы

дали согласие.

– Ну, скажи и ты, что думаешь, – произнес отец.

Танка вскрикнула, как будто ее рубанули саблей, но не упала, а, рванувшись, выбежала из комнаты.

– Молодая еще, – объяснил отец. – Что она может думать?

Мы согласны, Панде.

– Ну и хорошо, – кивнул тот.

Мать зашла к Танке в комнатку уже поздним вечером.

– Ну все, все, успокойся, – сказала она, садясь на кровать рядом с рыдающей дочерью. – Ты же знаешь, по-другому нельзя. Радоваться надо, что Панде тебя посватал.

– Как радоваться, мама?! – воскликнула Танка. – Я не хочу! Не хочу за него замуж! Я его не люблю!

– Я знаю, – кивнула мать. – Думаешь, мы с отцом не хотели, чтобы вы с Гораном поженились? Он офицер, не батрак какой-нибудь, не чета Панде. Но что же делать? Горан – болгарский офицер. Танка, ведь тебя вышлют и нас всех с тобой заодно! А разве мы виноваты в чужих распрях? Разве мы хотели жить под сербами? Разве мы придумали этот указ?

Танка притихла. Мать говорила правду – очередной указ, изданный сербской властью, не так давно установившейся в селе, гласил: все женщины, которые имеют связь с болгарскими военными, должны немедленно покинуть Струмице, и семьи их тоже. Бессмысленно было возмущаться жестокостью этого указа – его надо было выполнять, и немедленно. На Балканах, где в последние десять лет все враждовали и

воевали со всеми, шутить с такими делами было опасно.

– Я не хочу выходить за Панде... – все-таки повторила Танка. Правда, теперь ее голос звучал уже не возмущенно, а жалобно. – Мама, что мне делать?

– Ничего, дочка, – ответила мать. – Привыкнешь. Все так живут.

Свадьбу тоже сыграли не хуже, чем у всех. Столы стояли под деревьями в саду, здесь же было выставлено и приданое: швейная машинка и красивый расписной сундук.

– За овцой завтра придешь? – спросил Танкин отец у Панде.

Жених не танцевал с невестой и был хмур. Но это никого не удивляло: все знали, такой уж у Панде Сурчева характер. Не удивлялись, конечно, и заплаканным глазам невесты: все девушки плачут перед замужеством.

– Овцу сегодня заберу, – ответил Панде тестю. – Чего откладывать?

– Ну, бери сегодня, – кивнул тот.

А про себя подумал: «Не за батрака бы отдавать дочь, не за голодранца! Да что теперь поделаешь?»

Пока отец с мужем разговаривали о приданом, Танка потихоньку выбралась из-за стола и скрылась между деревьями. Никто не обратил на это внимания – так же, как и на то, что маленькая Вангелия пошла за нею.

Ванга нашла свою новоиспеченную мачеху в дальнем конце сада – там, где еще недавно Танка веселилась с подруж-

ками. Теперь она рыдала, лежа на траве прямо в свадебном платье. Ванга присела рядом с ней на корточки.

– Танка! Ты почему плачешь? – спросила она.

Танка вздрогнула. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь видел ее слезы, даже маленькая падчерица, хоть у той в глазах и стоит сочувствие.

– Ты не поймешь, – всхлипнула Танка.

– Почему? Я понимаю, – вздохнула Ванга. – Ты не любишь моего отца, да?

Танка кивнула. Было в этой девочке что-то такое, что вызывало доверие. Даже странно, ведь ей всего семь лет.

– Я не знаю, почему люди вот так... – задумчиво проговорила Ванга. – Не любят, а женятся. Разве это правильно? – Она обняла Танку и шепнула ей на ухо: – Не плачь. Я тебя люблю. Я тебе во всем буду помогать.

Глава 4

«Что бы я без нее делала?» – подумала Танка.

Она смотрела в окно на то, как Ванга играет с братишкой Василом. Самой Танке нелегко было с ним справляться: Васил в свои четыре года крепкий и тяжелый, Танке, снова беременной, его не поднять. А главное, непоседливый он, глаз да глаз за ним. Только Ванга умеет придумать для братика такую забаву, чтобы он хоть немного посидел на месте.

«А что это она для него там придумала?» – вдруг заметила Танка.

Ванга взяла миску, из которой пили куры, и спрятала ее за кучей хвороста. Потом сняла косынку и завязала себе глаза. Эта детская игра почему-то так встревожила Танку, что она вышла из дому во двор.

Ванга стояла посреди двора с завязанными глазами, а Васил с интересом наблюдал за ней.

– Смотри, братик, – сказала Ванга. – Я глаза крепко-крепко завязала, а все равно миску найду.

Она пошла по двору так, словно косынки у нее на глазах не было. Подошла к хворосту, подвинула его, взяла миску. Вроде бы ничего особенного...

– Ванга! – воскликнула Танка. Она подскочила к падчерице и сорвала с ее глаз косынку. – Что за глупая игра?

– А Василу нравится, – сказала Ванга. – Смотри, он сме-

ется.

– Что, нельзя по-другому его повеселить? – Танка встряхнула косынку. – Зачем тебе это?

– Не знаю... – Ванга задумчиво посмотрела на мачеху. – Мне кажется... Ты не сердись, Танка. Кажется, что мне это понадобится. Почему так?

Ответа Танка не знала. Так же, как не знала причину своей тревоги. Ведь это просто детская игра!

Но тут в конце улицы показался Панде. Он шел медленно, тяжело, устало.

– Пойдем ужинать, – сказала детям Танка. – Может, отец и до утра останется.

Панде в самом деле остался дома ночевать: хозяин отпустил отдохнуть. Правда, вставать после этого отдыха надо было совсем рано, чтобы успеть на хозяйское поле.

– Когда вернешься, Панде? – спросила назавтра Танка, подавая мужу узелок с едой.

– А я откуда знаю? – буркнул тот. – Может, через неделю. Как хозяин отпустит.

– Сколько ж тебе по чужим людям батрачить? – с горечью проговорила Танка.

– Выбирать не из чего.

Панде вышел. Танка вздохнула и подошла к топчану, на котором спали Ванга и Васил.

«Жалко девочку будить, – подумала Танка. – Хорошая она, добрая. А что делать?»

Ничего не поделаться с беспросветной нищетой, в которую угодила Танка, выйдя за бедняка и батрака. И нечего теперь думать, могла у нее быть другая судьба или нет. Разве человек в своей судьбе властен?

– Вставай, Ванга, – сказала она. – Пора за молоком.

Утро было ясное, как слеза. И солнце поднималось медленно, не торопилось жечь землю и людские головы. Но все-таки, когда Ванга с подружками возвращались с пастбища, солнце уже припекало сильно. Девочки всегда спешили привезти с пастбища овечье молоко пораньше, но ослик, на котором они возили бидоны, часто упрямылся, и они не успевали до солнцепека.

Но стоит ли от этого печалиться! Не сахарные, под солнцем не растают.

Девочки шли рядом с тележкой, на которой стояли бидоны, и пели веселую песню. Про то, что солнце яркое, небо синее, вода в роднике прохладная, а радость – огромная, как жизнь впереди. Ванга пела веселее всех. Может, больше своих подружек верила тому, о чем была их песня.

– Жарко, – сказала Милена. – Давайте к роднику свернем.

– Дома ждут, – возразила Красимира.

– Мы недолго. Воды попьем – и дальше. Жарко же! Ванга, давай?

Девочки всегда оставляли решение за ней. Даже непонятно, почему так повелось.

– Поехали к роднику, – сказала Ванга. – Не скиснет мо-

локо.

Они так устали от жары, что не заметили: небо у них за спинами темнеет, мрачнеет, и духота становится не обычной для летнего дня, а тревожной, тяжелой.

У родника Ванга попила воды, умылась.

– Сразу легче стало, – сказала она. И добавила взрослым тоном: – Вода все плохое уносит.

Она еще не успела снова повязать косынку, когда небо сделалось совсем темным. Это произошло мгновенно, вдруг – тьма, зловещий гул, свист ветра...

– Смерч! – первой сообразила Милена. – Смерч идет! Прячемся!

Но куда спрячешься посреди широкого луга? Ни деревьев, ни домов. Хотя, может, и хорошо, что их нет: в окрестностях Струмице такие бывали смерчи, что и деревья с корнем вырывали, и дома разносили напрочь.

Кажется, именно такой смерч – огромный темный столб – неся сейчас от горизонта через луг.

– Ой, ослик наш!.. – успела еще вскрикнуть Ванга.

Но сразу же рев, вой и шум заглушили ее слова. Девочки упали в траву, закрыли головы руками.

Они не могли понять, сколько длилось это светопреставление. Но стихло оно так же внезапно, как и началось.

Красимира первая приподняла голову.

Смерч уходил в поле. Казалось, по траве шагает великан, голова которого теряется в облаках.

– Ушел... – испуганно проговорила она.

– Кто ушел?

Милена тоже подняла голову.

– Да смерч! – Красимира вскочила, отряхнула юбку. – Побежали скорее! Как там наш ослик?

– А Ванга где? – спохватилась Милена.

– Не знаю...

Девочки огляделись. Ванги рядом не было. Но не могла же она убежать во время смерча!

– Он ее унес... – с ужасом проговорила Красимира. – Вангу смерч унес!

И всю дорогу до сельской улицы девочки бежали с этим криком:

– Вангу смерч унес! Смерч унес!

И когда Милена влетела в дом Сурчевых, то это же и выпалила с порога:

– Тетя Танка! Вашу Вангу ветер унес!

– Что ты плетешь?! – вскрикнула Танка. – Какой ветер? Не было никакого ветра!

– Не ветер, а смерч, – поправила подружку Красимира. – Он в поле ушел. И Вангу вашу унес!

Едва не сбив девочек с ног, Танка бросилась на улицу.

– Помогите! Помогите! – кричала она. – Вангу смерч унес! Смерч!

– Господи, а я ж его видела, тот смерч! – крестясь, сказала соседка. – Еще подумала: как бы беды не наделал...

Вангу искали до вечера – на лугу, в лесу.

И только перед самой темнотой заметили гору сломанных веток посреди поля. Там, под ветками, и лежала Ванга... Лицо ее было засыпано песком, глаза закрыты – она была без сознания.

– Ванга! Детка ты моя! Ванга! – причитала над ней Танка. – Живая ты? Ой, господи! Ну открой глазки, открой!

Веки Ванги дрогнули. Она попыталась открыть глаза, но это ей не удалось.

– Живая! – воскликнула Танка. – Где больно?

– Глаза... больно... режет... – чуть слышно проговорила Ванга.

– Видишь нас?

– Не вижу... Ничего не вижу.

Глава 5

– Она же меня еще и утешает! – Танка всхлипнула. – Говорит: Танка, я тебе буду во всем помогать. Все делать, говорит, и без глаз научусь... Жалко ее, Панде, сердце разрывается! Знахарка приходила – знаешь, Бояна? – не помогла. А доктор сказал, надо в Белград везти. Может, операцию сделают. Ну что ты молчишь, Панде? – воскликнула Танка, глядя на своего вечно хмурого мужа.

– Без денег ничего не сделают, – наконец проговорил тот.

– Так надо деньги собрать!

– Собирай! – Панде обвел рукой их бедное жилище. – Поищи, может, найдешь! – И с горечью добавил: – Были б у меня деньги, разве б я не дал?

– Все продадим, – решительно сказала Танка. – Машинку швейную. Все, что купят, продавай.

– Не разбрасывайся, – возразил было Панде. – Чем малого будешь кормить? Да второй на подходе.

Он кивнул на ее округлившийся живот.

– Все равно продавай. – Танка открыла расписной сундук, тот самый, в котором привезла в мужнин дом свое приданое, и решительно повторила: – Все приданое мое продавай. Пусть Вангу вылечат.

И все-таки Панде не верил, что кто-то поможет его дочке. И когда, уже в Белграде, шли по улице Князя Михаила – ни-

когда он не видел таких широких, таких красивых улиц! – то думал, что зря сюда приехали, зря продали последнее, зря потратили драгоценное летнее время, когда рабочие руки в селе на вес золота. К тому же он всем своим существом ненавидел сербов, которые правили теперь Болгарией, и ему казалось, что, приехав в Белград, он унизился перед ними.

– Ох, папа, какой большой город! – сказала Вангелия.

– Ты ж не видишь, большой или нет, – пожал плечами тот.

– А я все равно что вижу, – возразила Вангелия. – Чувствую его.

У отца сжалось сердце. Вот так вот теперь и будет всегда... Никогда не откроет она ясные свои глазки.

Но незачем дочке видеть его горе.

– Хватит болтать, – сурово оборвал он Вангелию. – Чувствует она... Пора эти глупости бросить.

Вангелия вообще стала какая-то странная после того смерча. То и дело замирает, задумывается и выглядит при этом так, как будто вглядывается во что-то. Хотя во что ей вглядываться, она же ничего не видит. А однажды сказала, что, когда смерч нес ее по небу, то ей показалось, будто рядом скачет какой-то светлый всадник... Глупости, глупости!

Не только таких широких улиц, но и таких чистых комнат, как кабинет в белградской больнице, Панде тоже никогда не видел. И инструменты, которые ловко держал врач, осматривая его дочку, и яркая лампочка, которой он светил прямо ей в глаза, выглядели необычно и очень дорого.

– Так-так, Вангелия, – сказал доктор, наконец закончив осмотр. – Ну иди, посиди в коридоре. Сейчас папа к тебе выйдет.

Выходя, Ванга обернулась и посмотрела на отца. Хотя что значит – посмотрела? Она ж не видит. Однако Панде показалось, что она пронзила его взглядом насквозь. Когда за ней закрылась дверь, врач сказал:

– Что ж, вы правы. Девочке действительно может помочь только операция.

– Так сделайте, доктор! – вскинулся Панде.

– Я сказал: может помочь, – поднял палец врач. – Что она поможет наверняка, этого вам не пообещает никто, кроме Господа Бога.

– Так, может, попробуете?

Панде удивился робости, которую сам расслышал в своем голосе.

– Попробовать здесь нельзя, – назидательно произнес врач. – Или делать, или нет.

– Делайте! – решительно сказал отец.

– Что ж, подготовим девочку в течение трех дней – и делаем.

– А сразу нельзя? – спросил Панде. – Мы издалека приехали. Жить в Белграде нам негде.

– Понимаю. Но дело не в этом.

– А в чем?

– В цене, – врач протянул Панде листок. – Вот расчет.

Приблизительный, конечно. Неизвестно, как операция пойдет. Могут потребоваться дополнительные расходы.

По непроницаемому лицу доктора Панде понял, что можно и не заглядывать в тот листок. Но все же заглянул.

– У меня и половины того нет... – сказал он дрогнувшим голосом.

– Ну, может быть, вы как-то постараетесь, соберете...

– Уже постарались, – с горечью произнес отец. – Нечего нам больше собирать. Доктор... А просто так, без операции? Лекарствами нельзя ее подлечить?

Врач отвел взгляд.

– Мы оставим ее в больнице на несколько дней, – сказал он. – Подлечим. Из-за попадания песка и грязи у нее возникло воспаление роговицы – его мы снимем. Впоследствии ей понадобится хорошее питание и полный покой. Вообще, девочке нужна теперь абсолютно спокойная жизнь, без каких бы то ни было потрясений.

– А видеть? Видеть она будет? – спросил Панде.

Врач посмотрел ему в глаза и ответил печально, но твердо:

– Нет. Без операции видеть она не будет точно.

Глава 6

Днем в струмицкой церкви никого не было. Лето, все в поле.

Ванга молилась одна. Слова молитвы трепетали в светлом воздухе храма будто живые.

– Вангелия!

Она не вздрогнула от неожиданности, хотя отец Никодим подошел неслышно. Перед этим он долго стоял, глядя на свою слепую прихожанку. В свете, льющемся из окон, фигурка Вангелии казалась бестелесной и такой беззащитной, что у священника ком подступил к горлу.

– Здравствуйте, отец Никодим, – сказала Ванга.

– Как ты живешь? – спросил он.

– Как все, – пожала плечами она.

– Разве как все? Тебе труднее. Отец батрачит, мачеха тоже целыми днями в поле. Кто за братьями смотрит, кто хозяйство ведет?

– Васил мне помогает за Томе присматривать, – улыбнулась Ванга.

– Чем Васил может помочь? Сам еще дитя. Да и ты тоже.

– Я не дитя, – возразила Ванга. – Мне шестнадцать скоро будет. Мы справляемся, отец Никодим. Слава Богу.

– Я хочу поговорить с твоим отцом, – сказал священник. – Он должен отправить тебя учиться.

– Кто ж меня в школу возьмет? – удивилась Ванга.

– Я не про нашу школу. В Земуне открылся Дом слепых.

Благотворители его открыли.

– А где тот Земун? – спросила Ванга. – Наверное, далеко.

– Какая разница, далеко или близко? Ты не будешь туда каждый день ездить. Жить там будешь. В пансионе для учеников.

– Я из дома никуда не поеду! – испуганно воскликнула Ванга.

Ее голос забился под куполом, как случайно залетевшая птичка.

– Не тебе решать, – сурово отрезал священник. – Скажи отцу, чтобы зашел ко мне в воскресенье.

Как сердит был Панде на отца Никодима! Еле сдерживался, слушая его. Сколько можно уповать на милость Божью? Как деньги к деньгам прилипают, так и милость Божья дается тем, кто и без того судьбой не обижен, – так считал Панде Сурчев. И вся его беспросветная жизнь доказывала, что он прав.

А старый священник все повторял свое.

– Эта школа для твоей дочки – милость Божья. Ее там читать, писать научат. Не будет она так мучиться своей слепотой.

– Зачем ей читать и писать? – не выдержал Панде. – Хоть бы работу простую делала, и то хорошо.

– Не понимаешь, зачем читать и писать, – оборвал его свя-

щенник, – пойми хотя бы, что там ей лучше будет. Одетая, обута, накормлена. Там сытно кормят. А то смотреть ведь тяжело на Вангелию. Ходит – от слабости качается.

«Нечего меня попрекать! – чуть не выкрикнул Панде. – Как вся семья живет, так и она. Нет у меня богатства! И никогда не будет».

Но ничего он не выкрикнул. И не только потому, что с почтением относился к старому священнику – отец Никодим служил в сельской церкви с незапамятных времен, – но и...

– Правду вы говорите, отец Никодим, – нехотя проговорил Панде.

– Вот видишь! Сам понимаешь. А от лучшей жизни, может, и зрение к Вангелии вернется.

– Не верю я в чудеса, – отрубил Панде.

Но отца Никодима грубостью было не пронять. Сельский священник и не такое еще слышал от своих прихожан.

– Веришь, не веришь, – сказал он, – а дочку в школу отпусти. Я напишу директору, она ее примет. Не отнимай у Вангелии милость Божью.

– Ладно, – кивнул Панде.

А Ванга никакой милости Божьей в отцовском решении не увидела. Она отчаянно рыдала, стоя посреди двора у запряженной телеги. Яркий весенний день казался ей черным, наверное, не из-за слепоты, а как раз из-за отчаяния.

– Не плачь, милая, не плачь, – успокаивала ее Танка. – Тебе там хорошо будет.

– Мне с вами хорошо! – судорожно всхлипывала Ванга. – Не надо меня прогонять!

– Так разве мы прогоняем? – Танка и сама еле сдерживала слезы. – Что ж у нас хорошего? Одна работа.

– Я бы тебе и дальше помогала, Танка! Как ты без меня справишься?

– Справлюсь. Что делать? Васил уже большой, помогать станет. Правда? – обернулась она к старшему сыну.

Пятилетний Васил не ответил. А совсем маленький Томе, сидящий на руках у матери, сморщился, собираясь зарыдать, хотя его только-только успокоили.

– Ну, хватит причитать в дорогу, – сказал наконец Панде. – Садись, Вангелия, пора.

– Ой, горе-горе!.. – в ответ на его слова зарыдала Ванга.

– Может, никакое и не горе, – обняла ее Танка. – Может, счастье свое там найдешь!

Но не похоже, чтобы Ванга ожидала счастья. Пока телега не скрылась за поворотом улицы, доносился до дома ее отчаянный плач.

Глава 7

Девочки выходили парами, крепко держась за руки. Ольга специально ставила их в пары так, чтобы более умелые, давно живущие в Доме слепых, помогали тем, кто еще не освоился со своей слепотой. Она вообще очень серьезно относилась ко всему, что предписывалось педагогическими правилами. И не обращала внимания на то, что некоторые воспитательницы над нею из-за этого посмеивались. Может быть, серьезность в ее возрасте и выглядит смешно, но что же делать, если она действительно серьезная по натуре своей? Не в восемнадцать лет сделалась такою, а всегда такая была, даже в детстве.

– Девочки, сейчас мы все пойдем по аллее, – сказала Ольга, когда все пансионерки спустились с крыльца. – Держитесь за руки. Сегодня такой прекрасный день! В воздухе столько запахов. И от земли, и от цветов, кустов, деревьев. У каждого цветка свой запах, и каждый можно различить, а потом представить, как выглядит этот цветок. – Вереница воспитанниц дошла уже до середины парковой аллеи. – Давайте остановимся, – предложила Ольга. – Веет легкий ветерок. Вы чувствуете? В этом ветерке как раз и смешаны свежие и разные запахи. Вдохните, вдохните глубоко! Как будто у вас перед самым лицом букет цветов и солнце светит на него. Чувствуете на своих лицах солнечное тепло?

Ольга так увлеклась, описывая ветер и солнце, что и сама была сейчас похожа на своих воспитанниц. Да и не намного старше она была, а некоторым даже ровесницей.

– Чувствуем! Так приятно! – раздалось несколько голосов. – Чудесные запахи!

– Вы и сами похожи на цветы, – улыбнулась Ольга. – На красивую клумбу. Ну, тихо-тихо. Давайте послушаем звуки.

Все замерли, прислушиваясь.

– Птичка, – сказала самая маленькая девочка. – А какая?

Она совсем не была похожа на цветок – тощенькая, с острым, вечно шмыгающим носом.

– Соловей! Канарейка! Чижик! – наперебой стали предполагать девочки. – Ну какая? Скажите, госпожа Васильцова, скажите!

– А я и сама не знаю! – засмеялась Ольга. – Но в этом нет ничего стыдного, ведь невозможно знать все. А птичка такая маленькая, что ее совсем не видно на дереве. Но ее можно себе представить. Вообразить, какая она красивая, как, подняв клювик, старательно выводит свои трели...

Произнося все это, Ольга заметила, что одна из воспитанниц, Снежана, мрачнеет с каждым ее словом. Ощущение мрачности, исходящее от Снежаны, усиливалось еще и от того, что на голове у нее была косынка, повязанная так, чтобы были полностью закрыты щеки. Снежана была высокая, стройная, и если бы не эта косынка, почти скрывающая лицо, то ее можно было бы назвать красивой. И еще – если бы

не мрачная ненависть, которая не только звучала в ее голосе, но и пронизывала, казалось, все ее существо...

– Ведь правда, Снежана? – обратилась к ней Ольга. – Это очень красивая птичка.

– Вы прекрасно знаете, что я ничего не вижу, – процедила та.

– Я тоже не вижу сейчас эту птицу, – стараясь не обращать внимания на Снежанин вызывающий тон, ответила Ольга. – Но ведь ее можно представить.

– Зачем? – Ненависть в голосе Снежаны звучала теперь уже совсем не прикрыто. – Глупости все это! Учите нас тому, чего и сами не знаете.

– Ну что ты говоришь? – растерянно произнесла Ольга.

– А то и говорю, что есть! – воскликнула Снежана. – Я все это видела! Ви-де-ла! Понимаете вы это?! А теперь не вижу! А вы еще издеваетесь!

– Зачем ты... так?.. – пролепетала Ольга. Ей хотелось провалиться сквозь землю. Пришлось приложить все силы, чтобы взять себя в руки. – Девочки, пойдемте в парк, – поспешно предложила она.

Голос ее прозвучал при этом чуть бодрее, чем обычно.

«А ведь они очень чуткие, – мелькнуло у Ольги в голове. – Сразу расслышат фальшь в моем голосе...»

Но что поделаешь, если не бодрой быть ей сейчас хочется, а плакать? Не отдаваться же подобному желанию.

Девочки снова взялись за руки и двинулись вперед по ал-

лее. Ольга шла рядом с ними, следя, чтобы никто не отстал. Снежана шла позади всех. Одна.

Это было очень красиво – стайка девочек в весеннем парке. Но расстроенной Ольге было сейчас не до красоты.

А Ванга этой красоты вообще не видела.

Телега, на которой она сидела, остановилась у ворот Дома слепых.

– Приехали, – сказал отец. – Тихое место. И дом большой. Тебе тут хорошо будет. Ну, пошли.

Ванга сама слезла с телеги и, прислушиваясь к отцовским шагам, пошла вслед за ним к воротам.

– Почему ты не в классе, Ольга?

Директриса смотрела так, что Ольге показалось, госпожа Стоянова и без объяснений знает, почему она идет по коридору в то время, когда должна присутствовать на уроке и помогать воспитанницам выполнять задания учителя.

– Я к вам, – вздохнув, ответила Ольга.

– Я рада.

Улыбка у директрисы была старческая – лучики морщин появлялись вместе с улыбкой у ее глаз и губ. Ольге почему-то всегда становилось веселее при виде этих лучиков.

– Чему вы рады? – удивленно спросила Ольга.

– Во-первых, просто так, – ответила директриса. – Тебя всегда радостно видеть, ты разве не знаешь? А во-вторых, я рада, что ты обращаешься ко мне, когда чем-то взволнована. Проходи, – предложила она, открывая перед Ольгой дверь

своего кабинета.

Войдя, Ольга вспомнила, как оказалась в этом кабинете впервые. Это было год назад. И тогда, в точности как сегодня, она удивилась тому чувству, которое охватывало сразу, как только оказываешься в этих стенах. Это было ощущение удивительного покоя – не нагоняющего сон, не расслабляющего, а... Внимательный здесь охватывал покой, вот какой!

– Садись сюда. – Директриса кивнула на старый, с заклеенной спинкой, кожаный диван. – Ведь мы не будем разговаривать официально, через стол, правда? Итак, что ты хотела мне сказать? Тебя обидели?

– Не меня обидели, – взволнованно ответила Ольга. – Это я обидела. Я... Я просто не умею работать!

– Успокойся и расскажи все по порядку. – Директриса надела очки, еще внимательнее взгляделась в ее лицо. – Иначе я ничего не пойму. Ну кого ты могла обидеть?

Даже она считает Ольгу какой-то амебой, которая никак не способна влиять на окружающих!

– Я думала... Мне казалось, что у меня получается... А я ничего не умею!

– Ольга, просто расскажи, что произошло. – В голосе директрисы зазвучали почти суровые нотки. – Я сама разберусь, что ты умеешь, а что нет.

– Я водила девочек на прогулку. – Ольга взяла себя в руки. Это, видимо, главное умение, которое необходимо в жизни человеку. – Все было как обычно. Я рассказывала им обо

всем, что вижу. О природе, о цветах. Я считала, что им надо словами рассказывать о мире, который они не могут видеть.

– Правильно, – кивнула директриса. – У тебя это хорошо получается.

– Ничего у меня не получается! Мой рассказ произвел на одну девочку ужасное впечатление. Она расстроилась, разозлилась. Нагрубила мне. Но я сама в этом виновата! – поспешно уточнила Ольга.

– Как ее зовут? – спросила директриса.

– Снежана Боянова. Новенькая.

– Ну вот видишь, Ольга, ты сама сказала: новенькая. Еще не привыкла. К тому же зрение она потеряла совсем недавно и в результате несчастного случая. Ей тяжело смириться со своей слепотой, оттого и агрессия.

– Нет, – покачала головой Ольга. – Дело не в этом. Я не нашла для нее нужных слов. Значит, я не умею.

– Ничего это не значит. – Директриса улыбнулась. – Не все сразу. В нашей работе самое важное – доброта и терпение. У тебя все еще впереди. И опыт, и уверенность в себе. Главное, ты любишь своих воспитанниц. Правда?

– Люблю.

Ольга хотела кивнуть, но не стала, потому что слезы уже готовы были пролиться из ее глаз.

Директриса подошла к окну.

– Еще одну новенькую привезли, – сказала она. – Может, добрый знак для тебя? Пойдем встретим.

Глава 8

Крестьянин лет сорока застыл у крыльца, явно не решаясь войти. Слепая девочка, стоящая чуть поодаль, не казалась перепуганной, хотя вид у нее, конечно, был растерянный. И оба они выглядели не бедными даже, а просто нищими в своей домотканой обветшалой одежде.

Директриса спустилась с крыльца.

– Здравствуйте, – сказала она. – Вы Панде Сурчев из Струмице?

– Да, – кивнул крестьянин. – Здравствуйте.

– Я получила письмо от отца Никодима, – сказала директриса. – Мы готовы принять вашу дочь. – Потом она подошла к девочке и спросила: – Как тебя зовут?

– Вангелия, – ответила та.

– Красивое имя. Ну,ходи, Вангелия. Эта дверь всегда открыта для тебя. Это теперь твой дом. Тебе здесь будет хорошо. А вот это госпожа Васильцова, твоя воспитательница. Знакомьтесь.

Ольга тоже спустилась с крыльца, взяла девочку за руку. Крестьянин смотрел исподлобья, словно боялся, что его дочери причинят боль. А может, ни о чем таком он не думал: лицо у него было суровое, и непохоже было, что он способен беспокоиться о тонких материях.

– Меня зовут Ольга, – сказала она. – Здравствуй, Ванге-

лия.

Ольга с радостью увидела, что от ее рукопожатия лицо девочки просветлело.

– Здравствуй, – ответила та. И неожиданно добавила: – А я тебя видела. Когда-то.

– Тебе показалось, что ты узнала меня по голосу? – удивилась Ольга.

– Нет. Не по голосу. Я тебя просто узнала.

– Вангелия, воспитательнице надо говорить «вы», – сказала директриса.

– Ничего, госпожа Стоянова, – поспешно проговорила Ольга. – Вангелия скоро привыкнет. Пойдем, – обратилась она к девочке.

– Я думаю, будет лучше, если Вангелия сразу простится с отцом, – остановила их директриса. – Потом она будет занята.

Сколько ни видела Ольга, как прощаются родители со своими детьми, которых привозят в Дом слепых, так и не сумела она к этому привыкнуть. Одни плачут, да что плачут – рыдают так, словно отдают свое дитя кровожадному Молоху. Другие сдерживают слезы, уговаривая не столько детей, сколько себя, что здесь им будет лучше, чем дома. Третьи...

Этот угрюмый крестьянин относился как раз к третьим.

– Ну, иди, Вангелия, – сказал он. – Оставайся тут.

Даже не обнял дочку! Слова теплого не сказал. А ведь неизвестно, на сколько расстанутся. Нет, никогда Ольге не

понять таких людей. Что у них в голове, что в сердце? Да и есть ли у них сердце?

Она почувствовала, как рука Вангелии дрогнула в ее руке.

– До свиданья, папа, – сказала та.

Не отпуская девочкиной руки, Ольга повела ее в дом. Рука у Вангелии была необычная. Ольга касалась рук всех своих слепых воспитанниц, это было необходимо, поэтому необычность Вангелии она почувствовала сразу. Ладонь у девочки была жесткая, крестьянская, но от нее исходил трепет, совсем крестьянам не свойственный. Чуткая это была рука, вот такая.

– Часто с Вангелией такое? – негромко спросила у отца директриса.

– А что с ней такого? – не понял тот.

– Часто вы замечали, что она говорит что-нибудь странное?

– Ничего я не замечал, – буркнул отец. – Обычная она. Послушная. Работящая.

– Ну что ж, проходите, – предложила директриса. – Пойдемте ко мне в кабинет, вы подпишете необходимые документы. И расскажете про Вангелию.

– Что надо, подпишу, – ответил отец. – А рассказывать... Что про нее рассказывать? Нечего.

С тем и вошли они все в Дом.

Не зря Ольга сразу заметила, что в Вангелии есть что-то необычное. Когда такие сельские девочки, как она, впервые

попадали к парикмахеру, то либо оставались равнодушными – делайте, мол, со мной, что хотите, – либо пугались чуть не до обморока. А Вангелия не испугалась и даже не удивилась, а почему-то сделалась печальной. Хотя подстригли ее очень красиво.

– Стрижка, как у царевны, – сказал, любуясь своей работой, парикмахер. – Готово, барышня.

Он тоже был из России и тоже бежал от большевиков, как Ольгины родители когда-то. Только Ольгины родители до революции жили в Москве, а парикмахер Лейб-Гирш – в Северо-Западном крае, в местечке Перевоз близ Гомеля.

Вангелия коснулась своих волос, вздохнула и тихо проговорила:

– Коротко...

– Просто не привыкли к новой прическе, – сказал Лейб-Гирш.

– Я ни к какой не привыкла. – По ее лицу скользнула печальная улыбка. – Мне прическу никогда в жизни не делали, я и не знаю, как это.

– Не грусти, Вангелия! – бодрым голосом сказала Ольга. – И почему это все девушки в парикмахерской печальными становятся? Признаться, я тоже.

– Потому что новая прическа – это, я вам скажу, новая жизнь, – авторитетно заметил парикмахер.

Вангелия промолчала. Стоя у нее за спиной, Ольга всматривалась в ее лицо, отражающееся в зеркале. Лицо было

широкое, крестьянское. Грубые шрамы на веках усиливали ощущение простонародности, которым веяло от Вангелии. Не отличался утонченностью облик этой девочки! Но то чувство, которое охватило Ольгу, когда она коснулась ее руки – трепет, пронизывающий все существо Вангелии, – это ощущение по-прежнему было отчетливым.

– У тебя прекрасная новая прическа, – сказала Ольга. – И прекрасная будет жизнь.

Когда Ольга и Вангелия добрались наконец до класса, уроки уже были окончены. Вангелия вошла в пустой класс неловко, бочком. Новые башмаки скрипели, и она этого, кажется, стеснялась. Да и не привыкла, конечно, к добротным башмакам; наверное, они казались ей тяжелыми и неудобными.

– А вот здесь ты будешь учиться, – сказала Ольга. – Не бойся, пройдишь по классу.

Вангелия послушно прошла вдоль ряда парт, на ходу к ним прикасаясь.

– Это школа? – спросила она.

– Да. Здесь ты будешь слушать, что рассказывают учителя, отвечать на их вопросы.

– А читать и писать? Как же я увижу книжки, я же слепая.

– А вот это самое интересное, – улыбнулась Ольга. – В нашей школе книги необычные. Волшебные. Ты по ним легко научишься читать. И писать тоже.

– Волшебные? – недоверчиво переспросила Вангелия.

«Интересно, рассказывали ей когда-нибудь сказки?» – подумала Ольга.

А вслух сказала:

– Волшебство бывает не только в сказках, но и в жизни.

– Да, – неожиданно согласилась Вангелия. – Я один раз такое волшебство видела.

– Когда?

– Когда меня смерч унес. Всадник рядом со мной по небу скакал. Лицо у него было светлое, и сам он был такой большой – больше смерча. Когда я уже падать начала, то он меня подхватил и осторожно на землю опустил. Только потом я ослепла и больше его не видела, – вздохнула Вангелия.

«Бедная девочка! – подумала Ольга. – Как скудна на счастье ее жизнь, как ей хочется расцветить ее фантазией!»

– Завтра ты начнешь учиться читать и писать, – сказала она. – А сейчас пойдем, я покажу тебе музыкальный класс.

Звуки музыки слышались еще в коридоре. Когда Ольга открыла дверь, они стали слышны отчетливо, ясно. Тринадцатилетний Зоран сидел за фортепиано и играл «На память Элизе» Бетховена. Конечно, он услышал, что в класс кто-то вошел, но Ольга знала: этот мальчик не оторвется от инструмента, даже если вокруг него начнут взрываться снаряды. Способности к музыке у него были феноменальные, и усидчивость под стать способностям.

Вангелия замерла на пороге – так, будто следующий шаг ей предстояло сделать в пропасть. На лице ее застыло выра-

жение то ли ужаса, то ли счастья.

«Да ведь она никогда не слышала музыки! – догадалась Ольга. – Во всяком случае, такой».

– Ты тоже научишься так играть, – тихо сказала она Вангелии.

– Я?!

Теперь в ее голосе послышался страх.

– Конечно, – кивнула Ольга. – Если хочешь, останься здесь. Посиди, пока я подготовлю тебе место в спальне.

Вангелия не ответила. Ольга взяла ее за руку, ввела в класс и усадила на стул в углу. Когда она обернулась, уходя, то страха на лице Вангелии уже не было. Оно было такое, какое бывает у всех юных девочек, когда они воображают себе свое будущее счастье: первый бал или поцелуй прекрасного принца... Ольга и сама когда-то воображала себе нечто подобное.

Она встряхнула головой, отгоняя ненужные мысли. Все эти наивные мечты давно прошли. Не мечтать надо, а научиться противостоять ветру жизни, его ледяному дыханию.

А Вангелия, может быть, представляет сейчас того самого всадника, который спас ее от смерча.

Ольга потихоньку вышла из класса и прикрыла за собой дверь.

Глава 9

– Д-о-м... Т-р-а-в... Травка! – радостно произнесла Ванга.

– Трава, Вангелия, – поправил учитель. – Не травка, а трава. Дальше.

Ванга снова положила руки на страницу книги – большой, с выпуклыми точками, похожими на следы булавоочных уколов.

– Ц-в-е-т-к-и... – проговорила она вслед движению своих пальцев.

– Будь внимательнее. Не придумывай лишние буквы.

Снежана, сидящая рядом с Вангой, презрительно процедила:

– Травка, цветки... Корчит из себя!

– Снежана, не мешай, – сказал учитель. – Вангелии трудно, она только учится читать по Брайлю.

Что Снежана терпеть не может, когда ей делают замечания, было известно всему классу.

– А мы все должны слушать, что она бормочет? – сразу вспыхнула она.

– Снежана, мы на уроке! – попытался одернуть ее учитель.

– Вот и пусть другим не мешает. Слушать ее противно!

Ольга поспешно встала из-за отдельного стола, за которым, как положено воспитательнице, сидела во время уро-

КОВ.

– Снежана, успокойся, пожалуйста, – сказала она, подходя к парте. – Вы все здесь учитесь. И все вы равны, несмотря на то, что кто-то лучше читает, кто-то хуже, а кто-то и совсем еще не научился.

– И вы тут как тут! – Снежана вскочила. – Как же, все равны! Только у вас есть любимчики, а есть такие, как я!

– Ну что ты? – Ольга протянула руку, чтобы погладить строптивую девочку по голове. – Почему ты считаешь, что я отношусь к тебе не так, как к другим?

Но не успела Ольга коснуться Снежаниных волос, как та резко ударила воспитательницу по руке и закричала:

– Отстаньте от меня!

Она махала руками так беспорядочно и отчаянно, что лишь чудом не задевала сидящую рядом Вангу. Ольга попыталась схватить Снежану за руки, но та отшатнулась и вдруг... вцепилась Ольге в волосы! Ольга настолько не ожидала подобного, что не смогла сдержать вскрик.

– Снежана, что ты делаешь?! – закричал учитель.

Он тоже попытался схватить воспитанницу за руки, разжать ее пальцы. Куда там! Снежана дергала Ольгу за волосы с такой силой, что было непонятно только одно: почему воспитательница не кричит от боли?

Весь класс замер в испуге. Даже мальчишки не знали, что делать. Они слышали, что происходит что-то странное, даже страшное, но что именно, конечно, видеть не могли и дога-

даться не могли тоже – слишком уж необычно все это было.

Не могла этого видеть и Ванга. Но по тому, как она вскочила, как сразу, безошибочно протянула руки к Снежане и схватила ее за запястья, – могло показаться, что она все отлично видит.

– Не злись из-за меня! – закричала Ванга.

Наверное, это оказалось такой неожиданностью, что Снежана разжала пальцы.

– Из-за тебя?! Много чести! – воскликнула она.

Ольга мгновенно отшатнулась от нее и, по-прежнему не произнося ни слова, поправила растрепавшиеся волосы.

Едва не опрокинув стол, Снежана бросилась к выходу из класса. Вангу она при этом вот именно опрокинула – та, вскрикнув, упала на пол.

– Не лезьте! Не ходите за мной! – закричала Снежана.

Громко захлопнулась за нею дверь. Ольга склонилась над упавшей Вангой, помогая ей подняться.

– Ты ушиблась? Да? – спрашивала она.

Сердце у нее билось так, что чуть из горла не выскакивало. Всего она ожидала от этой девочки – Снежана была так же своенравна, как умна, – но все-таки не такого!

– Я ничего, – сказала Ванга, поднимаясь с пола. – Что мне сделается?

Класс гудел растерянно и взволнованно.

– Ольга, вам надо выйти, – тихо, почти на ухо сказал учитель. – Поправить прическу. Вообще – прийти в себя.

– Да. Да-да, – поспешно ответила Ольга.

На душе у нее было горько, и она понимала, что прическа наверняка выглядит ужасно, но выйти из класса ей надо было не поэтому.

Ольга вошла в спальню девочек поспешно – почти вбежала. Больше всего она боялась, что Снежана бросилась куда глаза глядят, а не направилась по привычному пути, на котором ее не подстерегают опасности.

К счастью, страх оказался напрасным – Ольга вздохнула с облегчением, увидев одинокую фигурку на кровати. Снежана сидела, обхватив себя руками за плечи. Косынка, которую она всегда повязывала туго и низко, сейчас сбилась на сторону.

– Можно, я присяду? – спросила Ольга, подходя к ее кровати.

Снежана не вздрогнула, не вскочила. Кажется, она даже не удивилась тому, что воспитательница появилась рядом с нею спустя всего несколько минут после безобразной сцены в классе.

«Она в самом деле умная, – подумала Ольга. – И горе у нее от ума...»

– Что вы спрашиваете? – резко бросила Снежана. – Вы же здесь командуете.

– Я не командую. – Ольга присела рядом с ней на кровать. – Я знаю, как это больно, когда тобою кто-то хочет командовать. Когда приходится чувствовать себя слабой.

– Я не слабая! – с прежней резкостью ответила Снежана.

– Да, ты сильная. Но когда мы помогаем друг другу, то становимся еще сильнее.

– Не знаю...

Впервые в голосе Снежаны вместо злости прозвучало что-то похожее на растерянность. Это был очень маленький успех, но Ольга и ему обрадовалась.

– Вот я, например, – сказала она, – в детстве чувствовала себя слабой и очень от этого страдала. Но потом узнала многих людей, которым было гораздо тяжелее, и мне стало стыдно за себя. Да, стыдно, – повторила она. – Я поняла, что стыдно думать о своем несчастье. И что, оказывается, не просто относиться к людям так, как хочешь, чтобы они относились к тебе. Но когда понимаешь это, становится как-то... ясно жить. И знаешь, сразу ушла вся злость, которая во мне жила.

– А вы правда ее чувствовали? – удивленно произнесла Снежана. – Ну, злость?

– Чувствовала. И боялась ее.

– А сейчас?

– И сейчас боюсь. – Ольга не ответила на вопрос о злости: ей не хотелось, чтобы Снежана поняла, что злость, свойственная ей, совсем не свойственна всем людям вообще и Ольге в частности. – Но стараюсь не думать о ней.

– И я стараюсь, – вздохнула Снежана. – Но у меня ничего не получается.

– Почему же не получается? – улыбнулась Ольга. – По-

моему, все у тебя получается. И получится.

– Я думала... Думала, вы про то пришли говорить... Что в классе было.

– Зачем же? – пожала плечами Ольга. – Есть много другого, о чем мы с тобой могли бы поговорить, правда?

– Нет. Я не могу. Ни о чем.

Захлопнулись створки ракушки. И что делать с этой девочкой, как помочь ей вырваться из замкнутого круга? Не помогают наивные педагогические приемы, зря Ольга радовалась...

Она расстроено смотрела на Снежану. Не на Снежану даже, а только на ее затылок.

Что ж, значит, придется с этим смириться. К счастью, есть другой человек, которому она совершенно необходима...

Ольга поправила наконец сбившуюся прическу – только сейчас она вспомнила о ней, – поднялась с кровати и молча вышла из спальни.

Никогда Ольга не видела такого парка, как этот, принадлежащий Дому слепых. То есть видела, но это было так давно, что тот парк – в бабушкином имении под Тамбовом – можно было считать даже не воспоминанием уже, а просто фантомом воображения.

Ольга с Вангелией шли по аллее. Ольге хотелось взять Вангелию за руку, но она удерживала себя от этого. Тут уж дело не в душевных движениях, а просто в том, чтобы девочка научилась уверенно ходить без посторонней помощи.

К тому же – Ольга с удивлением это замечала – чуткость, которой обладала Вангелия, далеко выходила даже за грань той несколько преувеличенной чуткости, которая присуща слепым людям вообще.

– Тебе не тяжело здесь, Ванга? – спросила Ольга.

– Да что вы! – та даже рукой махнула. – Это дома было тяжело. И за малыми следить, и по хозяйству.

За год, проведенный в Доме слепых, Вангелия сильно переменилась. И движения ее стали утонченнее, и речь грамотнее, хотя и мелькали в ней иногда простонародные нотки. Впрочем, Ольгу это не задевало. В конце концов, здесь не институт благородных девиц, это она понимала, и пытаться это изменить было бы глупо. Воспитанники – в основном дети из простых семей. Часто из совсем бедных, вот как семья Панде Сурчева. И научить этих детей надо не отвлеченным светским манерам, а насущным житейским навыкам.

– Я не о работе, – сказала Ольга. – Вообще – о нашей здешней жизни. Не трудно тебе в ней?

Вангелия улыбнулась, покачала головой:

– Не трудно. Мне хорошо. Я такая счастливая!

– Знаешь, Ванга... – сказала Ольга. – Я ловлю себя на мысли, что часто хочу тебе что-нибудь рассказать. Даже если тебя рядом нет. Это так странно! Ведь мы с тобой совсем недавно знакомы.

Вангелия обернулась к Ольге. Казалось, она вглядывается в ее лицо. Хотя – ну как же вглядывается? Ясно, что нет.

– Я это чувствую, – кивнула Вангелия. Голос ее звучал серьезно. – Только мне это совсем не странно. Я всегда знаю, что вы мне хотите рассказать. Вот сейчас – как были маленькая. Да?

– Ты это чувствуешь? – изумленно спросила Ольга.

– Да.

– А ведь это правда. Как же не странно? Странно и интересно! Ты чудесная девочка, Ванга! – воскликнула Ольга. – Необычная. Дикий цветок, да-да. Не обижайся только. Прекрасный цветок, который непонятно как вырос в диком поле. Среди грубости и злости.

– На что ж мне обижаться? – улыбнулась Вангелия. – Зло – как темнота. А темноту же не видно. Вот и злая я не вижу.

– А добро? Его ты видишь? – с интересом спросила Ольга.

– Не то что вижу, а... – Ольга понимала, что Вангелии явно не хватает слов. – Я его внутри себя чувствую.

– А в других людях? – с интересом спросила Ольга.

– Все разные. Вот в тебе – добро. Ты светлая. А в других...

Нет. Во многих ничего светлого нету.

– Ты боишься людей, в которых нет добра? – осторожно спросила Ольга. – Например, Снежану. Она не плохая, – поспешно добавила она. – Просто очень трудно избавляется от злости. Тебе с ней тяжело?

– Что ж тут тяжелого? – усмехнулась Вангелия. – И не боюсь я ее. Просто знаю, что измениться она не может.

– Почему?

– Этого не знаю. Только чувствую. Снежана какая есть, такая уже и останется. Не знаю, почему, – повторила Вангелия. – Только бояться ее не надо.

Что-то непонятное, необъяснимое почудилось Ольге в этих словах слепой девочки... Что она говорит, как она может чувствовать такое?

– Ну и хорошо! – поспешно сказала Ольга. – Не буду бояться. Ни Снежану, ни... мышей в кладовке! Я их ужасно боюсь.

Она рассмеялась. Вангелия тоже улыбнулась. Но то пугающее, необъяснимое, что подступило только что к самому Ольгиному сердцу, не развеялось ни улыбкой, ни смехом.

В спальне девочек стояла обычная ночная тишина. Лишь изредка кто-нибудь всхлипывал во сне, но это тоже было обычным: мало радости приносит жизнь в вечной тьме...

Пожилая воспитательница дремала за своим столом, поэтому не расслышала, как чьи-то всхлипывания в дальнем углу спальни стали громче, судорожнее. И того, как Ванга поднялась на своей кровати, прислушалась, а потом спустила ноги на пол и пошла на эти приглушенные всхлипы, – воспитательница не слышала тоже.

– Почему ты плачешь?

Ванга стояла у кровати Снежаны. Та не ответила, даже головы не подняла – лежала, уткнувшись в подушку. Плечи ее вздрагивали.

– Ничего не бойся, – сказала Ванга.

Голос ее прозвучал так уверенно, что Снежана наконец приподняла голову. На лице ее читалось удивление. Ночью она была без косынки, и видны были глубокие сине-красные шрамы, покрывающие ее лоб. Казалось, что незрячие глаза всматриваются в Вангу. И вдруг... Снежана всхлипнула, почти вскрикнула и, обняв Вангу, разрыдалась в голос.

– Пойдем, – тихо сказала Ванга.

Она взяла Снежану за руку и потянула за собой.

В коридоре было холоднее, чем в спальне. Девочки зябко переступали босыми ногами по холодному полу.

– Лучше бы меня не выносили из горящего дома, – всхлипывая, проговорила Снежана.

– Ты что? – покачала головой Ванга. – Разве так можно говорить?

– Маму с папой не вынесли... А я буду всю жизнь мучиться слепая. И лицо... – она провела ладонью по обожженному лбу. – Уродина!

– Ты живая осталась. – Голос Ванги звучал не сочувственно, а сурово. – Значит, родителей своих можешь помнить. Им от этого хорошо.

Снежана перестала всхлипывать.

– Думаешь, они... где-то там есть? – недоверчиво спросила она.

– Души не исчезают. Они тебя видят и радуются.

– Какая им радость меня видеть, слепую? – горько усмехнулась Снежана.

– Им радость, что ты живая. А слепота – не темнота.

– Еще какая темнота!

– Нет. Душа-то смотрит.

– Может, у меня уже и нет души... – задумчиво проговорила Снежана.

– У всех она есть, – возразила Ванга. – А к слепым глазам привыкнешь.

– Да что вы ко мне все пристали?! – воскликнула Снежана. – Как к этому привыкнуть?! Как подумаю обо всем – хоть о стенку бейся головой! Никогда я не привыкну, никогда!

– Тише, – сказала Ванга. – А то все сейчас сюда сбегутся.

Она взяла Снежану за руку. Та попыталась отдернуть руку, но Ванга держала крепко, и Снежана замерла.

– У меня парень был, – тихо сказала она. – Он в Софии учится. Мы думали, я к нему приеду, тоже учиться буду. И поженимся. Он что, сейчас женится на мне, да? На слепой и уродливой? Его родители ему разрешат, да?

– Не знаю... – растерянно проговорила Ванга. – У меня парня не было никогда.

– А я знаю, – зло бросила Снежана. – Знаю! Ничего у меня не будет. И... И устала я.

В ее голосе прозвучала не просто усталость, а неизбывная тоска. И что можно было ей ответить?

– Пойдем спать, – сказала Ванга. – Тебе отдохнуть надо.

Глава 10

Ольга с удовольствием вела уроки этикета, которые были закреплены за ней в расписании. Да и почему не получать удовольствие, если занятия эти у девочек любимые? Вот и сейчас у них, сгрудившихся вокруг стола, читался на лицах живейший интерес.

– Сегодня мы будем учиться накрывать на стол, – сказала Ольга. – Сначала надо проверить, чистый ли он. Сделай это, Лиляна.

Лиляна, самая маленькая из пансионерок, провела рукой по столу и пропищала:

– Чисто, госпожа Васильцова!

– Хорошо, – улыбнулась Ольга. – А теперь ты, Цветана, расстели скатерть. Проверь, чтобы со всех сторон края свисали одинаково. – Говоря это, она взяла долговязую Цветану за руку и помогла разобраться со свисающими краями. – Обойди, обойди стол, чтобы сравнить. Вот молодец! Девочки, проверьте и вы. Вот так должна быть расстелена скатерть. За таким столом будет приятно сидеть вашим гостям.

Краем глаза Ольга косилась на Снежану. Та не подходила к столу и, кажется, совсем не интересовалась сервировкой. Вангелия подошла к ней, позвала:

– Снежана?

– Ну что тебе? – буркнула та.

– Почему к столу не подходишь?

– Не хочу. Мне это не надо.

– Почему? – не отставала Вангелия.

– Потому что никогда не пригодится! – взорвалась Снежана. – Не будет у меня гостей, понятно? И отстань ты от меня со своим сочувствием!

– Вангелия, – поспешно сказала Ольга, – расставляй тарелки, раскладывай приборы. Хозяйничай смелее, я помогу.

«Ну вот что мне делать с этой девочкой? – подумала она, с грустью глядя на Снежану. – Никогда я не справлюсь с ее горем. И никто не справится, наверное. В том числе она сама».

Вангелия тем временем раскладывала рядом с тарелками вилки и ножи.

– А зачем каждому свой нож? – спросила она. – Разве на всех одного мало?

– Так принято, – объяснила Ольга. – Вот ты научишься пользоваться столовыми приборами, и тебе это тоже будет привычно и приятно. Что с тобой, Ванга? – спросила она с тревогой.

Еще бы ей было не встревожиться! На лице Вангелии вдруг появилось странное выражение. Страх, что ли?

– Ты не порезалась? – спросила Ольга.

– Снежана! – вместо ответа воскликнула Ванга. Голос ее звучал как-то непривычно. Будто и не ее это был голос. – Не уходи!

– Да она никуда не уходит, – с недоумением произнесла

Ольга. – Вот она стоит. Поможешь Вангелии раскладывать приборы, а, Снежана?

Та не ответила. Она стояла поодаль неподвижно, как соляной столп. Ни обычной злости, ни отчаяния – всё это словно стерли с ее лица, оно сделалось непроницаемым, выражение его – неясным... То, как «вглядывалась» в это лицо Вангелия, вызывало у Ольги беспокойство.

Но кого расспрашивать – Вангелию, Снежану? И о чем, собственно, расспрашивать?

Ольга потихоньку вздохнула и повернулась к остальным девочкам.

– Кто будет дальше накрывать на стол? – бодрым тоном спросила она.

– Я! Нет, я! – раздались возгласы.

Спиной, затылком, всем своим существом чувствовала Ольга то, что исходило от Снежаны и от Вангелии. Но что это, как это назвать? Она не знала.

– Ты так ловко накрывала сегодня на стол. Просто молодец.

Они шли по парку, по любимой своей аллее. То есть только сейчас Ольга поняла, что аллея эта у них с Вангелией любимая. Или, может, дело просто в том, что она уединенная, а они как раз и любят разговаривать наедине?

– Да ведь это легко, – пожала плечами Ванга.

– Но разве ты когда-нибудь сервировала стол вот так, со всеми приборами?

– Дома? Нет. У нас там только миски да ложки.

– Вот видишь. А теперь – как будто всю жизнь обращалась с настоящими столовыми приборами.

– Что ж тут трудного – посуду расставить? – улыбнулась Вангелия. – Было б что есть из той посуды.

Ольга расслышала, что она тихонько вздохнула при этих словах, и спросила:

– Что ты?

– Так... – Вангелия помедлила, но все же ответила: – Мне такой стол в своем доме накрывать никогда не придется.

– У тебя вся жизнь впереди. – Ольга ободряюще сжала ее руку. – Никто не знает, как она сложится.

– Кто бедным родился, тот бедным и всю жизнь проживет. Наша семья никогда не разбогатеет.

Что могла возразить Ольга?

«Вправе ли я возражать, давать надежду, которая, может быть, окажется пустою?» – подумала она.

Некоторое время шли молча.

– Ванга, – вдруг спросила Ольга, – а почему ты так испугалась?

– Когда? – не поняла та.

– Когда мы на стол сервировали. Ты испугалась из-за Снежаны.

– Мне... Мне показалось... – Вангелия словно подыскивала слова. И наконец нашла их. – Я увидела, что она пропадает.

– В каком смысле пропадает? – не поняла Ольга.

– Просто пропадает. Только что была – и вдруг нет ее.

Ольга смотрела на Вангелию с недоумением. Ощущение тревоги все чаще охватывало ее рядом с этой девочкой, которую она успела полюбить.

Глава 11

Этой ночью воспитательница не спала, а читала роман про Джен Эйр. Ее приглашали в Дом слепых только на ночные дежурства: она была уже слишком немолода, чтобы справиться днем с воспитанницами, каждая из которых требовала особого внимания. Зато ночами ей было нетрудно бодрствовать – все равно бессонница.

Роман увлек ее настолько, что она не заметила, как одна из девочек тихо поднялась со своей кровати и, быстро уложив одеяло так, чтобы казалось, будто под ним кто-то лежит, на цыпочках пошла к выходу из спальни.

Может, воспитательница все-таки заметила бы это и перехватила бы девочку на пороге, но тут другая воспитанница, Вангелия Сурчева, вскрикнула во сне и заметалась на кровати. Воспитательница подошла к Вангелии, взяла ее за руку, поправила одеяло. Когда она вернулась к своему столу, дверь спальни уже закрылась за беглянкой.

Воспитательница села за стол. И тут Вангелия, которая уже как будто бы успокоилась, вскочила с кровати с криком: – Снежана!

Воспитательница снова поспешила к ней.

– Что ты, Ванга? – сказала она. – Тише, тише. Все спят.

Вангелия сидела на кровати. На лице ее был написан настоящий ужас.

– Снежана... Снежана... – повторяла она.

– Она спит. Все спят, – сказала воспитательница.

– Она не спит! – вскрикнула Вангелия. – Ее нет! Совсем нет!

Стали просыпаться и другие девочки. Надо было поскорее успокоить всех.

– Да как же нет? Вот же она.

Воспитательница подошла к кровати Снежаны, приподняла одеяло... И вскрикнула сама – испуганно, тревожно.

– Сне-жа-на!..

Ольгин голос звучал в ночном осеннем парке так громко, словно она говорила в рупор. Она выскочила из своей комнаты прямо в ночной рубашке, только успела набросить пальто. И вот теперь металась по парку, и сторож с фонарем едва за нею поспевал.

– Снежана! Отзовись! – кричала Ольга, сворачивая на очередную тропинку.

Первый раз она жалела, что их парк так обширен. И какие же густые здесь заросли, даже теперь, поздней осенью, когда со всех деревьев и кустов уже облетели листья!

– Она не отзовется...

Ольга вздрогнула. Она и не заметила, что Вангелия идет за ней.

– Поче... – еще успела произнести Ольга.

И замерла, не договорив.

Одинокий дуб стоял посередине поляны. Луна освещала

его так ярко, что и фонарь не был нужен. В первое мгновение Ольге показалось, что Снежана стоит под деревом. Но тут же она увидела, что ноги девочки – длинные, босые – покачиваются над пожухлой осенней травой.

– Господи... – немеющими губами проговорила Ольга.

– Не нашли? – вдали послышались голоса – воспитателей, сторожа. – Вы ее видите, Ольга?

Голоса девочек слышались тоже. Может быть, они не решатся идти в глубь парка, а может быть...

– Девочки, оставайтесь на аллее! – крикнула Ольга.

Мгновенное оцепенение, охватившее ее, когда она увидела белую фигуру, покачивающуюся на ветке, сразу прошло. Она бросилась к дереву. К счастью, в ту же минуту на поляну вышли учительница Живкова и сторож с фонарем. Свет фонаря хоть и был неярок, но дерево со своим жутким грузом было видно в этом свете отчетливо. Живкова закричала так, что у Ольги зазвенело в ушах.

– Замолчите! – яростно закричала она в ответ. – Уведите детей в Дом! Помогите мне, Стоян, – велела Ольга сторожу.

Ноги Снежаны были холодны как лед.

«Это из-за холода. Просто ей холодно», – повторяла про себя Ольга.

Но когда Стоян наконец отвязал веревку – где она ее только нашла, несчастная девочка! – и тело тяжело упало на Ольгу, едва не заставив ее саму упасть, она поняла, что осенний ночной холод ни при чем...

Лицо Снежаны было таким же холодным, как ноги. И губы ее, когда Ольга пыталась вдохнуть в нее жизнь искусственным дыханием, тоже были холодны.

– Куда ее? – мрачно спросил сторож. – Не старайтесь, барышня. Не поможет, – добавил он, видя тщетные Ольгины попытки привести девочку в чувство. – Мертвая она.

Ольга поднялась с колен.

– Придется пока здесь... оставить... – проговорила она, задыхаясь. Она делала искусственное дыхание так долго, что перед глазами плясали теперь блестящие круги и пятна. – Нельзя трогать. Надо вызвать полицию.

Ольга обернулась. Вангелия стояла у нее за спиной. Если бы Ольга не знала, что та слепа, она голову дала бы на отсечение: девочка видит лежащую на земле Снежану лучше, чем она сама.

Как же ей хотелось все это забыть! И простой тесаный гроб на телеге, и отчаяние в голосе парня, которого она видела первый и последний раз в жизни, но которому сочувствовала так, словно он был ей родным...

– Опоздал. Опоздал, – повторял он как заведенный.

Директриса уже сказала Ольге, что это тот самый жених, с которым пришлось расстаться Снежане. Он приехал в Дом слепых наутро после Снежаниной смерти, но приехал вовсе не на похороны, а за нею.

И вот теперь шел рядом с телегой, держась за край гроба, и повторял свое «опоздал» так, что у всех окружающих сердце

разрывалось.

– Я давно ее ищу. – Парень вдруг обернулся к Ольге, которая шла рядом с телегой прямо у него за спиной. – Ее родители сгорели. А мои... – голос его звучал лихорадочно. – А мои... Скрыли от меня. Сказали, она тоже... Тоже от пожара погибла. Я случайно узнал. Соседка ее проговорила. Слишком поздно.

Жалко его было, чистоглазого этого юношу. Но уже в следующую секунду Ольга отвлеклась от него.

Потому что Вангелия, шедшая рядом, вдруг побледнела и замерла.

– Ванга, тебе плохо? – наклонившись к ее уху, спросила Ольга. – Дать воды?

Та не ответила.

– Опять... – проговорила Ванга. – Я так же ее вижу... Как тогда, когда мы на стол накрывали. Она мертвая передо мной!

– Ванга, милая, успокойся, ну что ты, что ты... – Ольга взяла Вангелию за руку. Девочку всегда успокаивало ее прикосновение. – Давай постоим немного. Мы потом догоним.

Они остановились, отстав от похоронной процессии.

– Мне страшно, Ольга, – вздрогнув, сказала Вангелия. – Мне так страшно!

– Что же она наделала! – с горечью произнесла Ольга. – Совсем бы немного еще потерпела... А ты не бойся. Горько, но что же теперь поделаешь? Снежане уже не помочь. Ты

должна справиться с собою.

– Я же знала! – Ванга прижала ладони к щекам. – Я всегда про нее знала... А сама на нее обижалась. Нельзя было на нее обижаться!

– Не кори себя, – твердо сказала Ольга. – Ты делала для Снежаны все что могла.

Ванга отняла ладони от своего лица, благодарно коснулась Ольгиной руки.

– Спасибо тебе, – сказала она. – Мне легче, когда ты со мной. Ой, извините – не ты, а вы!

– Ничего, – улыбнулась Ольга. – Я тебя чувствую близким человеком. Даже не понимаю, почему. Говори мне «ты».

Глава 12

«Как она переменялась! – Ольга стояла у двери и смотрела на Вангелию. – Всего три года прошло – и совсем другая девочка. Не девочка – девушка уже».

Мелодия легко лилась из-под Вангиных пальцев. Да, пальцы у нее стали совсем не такие, какими были, когда она, неловкая деревенская девочка, еще не привыкшая к своей слепоте, впервые переступила порог этого класса. Легкие у нее стали пальцы и очень чуткие.

– Ну, похлопай мне, – не оборачиваясь, сказала Вангелия. В ее голосе слышалась улыбка. – Ты ведь хочешь, я знаю.

Ольга засмеялась и похлопала в ладоши.

– У тебя чутье на людей такое же тонкое, как слух, – сказала она.

И вдруг с визгом вскочила на учительский стул, который стоял поодаль от фортепиано.

– Что ты? – удивленно спросила Вангелия.

– Мышь! – воскликнула Ольга. – Такая большая! Если бы ты видела! Может быть, это даже крыса!

Вряд ли это была крыса, конечно, да и большой назвать эту мышку, юркнувшую под плинтус, было трудновато. Просто у страха глаза велики, как известно.

Ольга слезла со стула и смущенно сказала:

– Я такая трусиха. Боюсь всякой ерунды, просто стыдно.

Лицо Вангелии стало задумчивым.

– Такой ерунды, как мышь, ты боишься, – сказала она. –

А настоящих трудностей не испугаешься.

– Почему ты так решила? – удивилась Ольга.

– Так я чувствую.

Вангелия встала, опустила крышку пианино.

– Пойду цветы поливать, – сказала она. – Не то солнце высоко поднимется, нельзя будет.

Стоя у окна, Ольга смотрела, как Вангелия набирает в лейку воду из большой кадучки, как идет к палисаднику, разбитому у крыльца Дома слепых. Движения ее были легкими, уверенными, даже утонченными какими-то. На пользу пошли ей годы, проведенные в Доме!

Переведя взгляд, Ольга увидела, что въездные ворота открылись и в них въехала добротная крестьянская бричка. Из брички вышли крестьянин с крестьянкой – судя по одежде да и по бричке, зажиточные. Крестьянин помог выйти парню, на вид лет девятнадцати, что-то сказал ему и, взяв под руку, повел по аллее к Дому.

«Наверное, новенького привезли, – подумала Ольга. – Надо встретить».

Когда она вышла на крыльцо, семейство было уже совсем рядом с домом – у палисадника, где Вангелия поливала цветы.

– Не волнуйся, сынок, – услышала Ольга. – Ты сюда ненадолго. Читать заново научишься, и заберем тебя домой.

«Какой красивый мальчик, – подумала она. – Прямо принц из сказки».

Молодой человек в самом деле отличался от своих родителей. В их происхождении Ольга явно не ошиблась: и внешность, и манера держаться у них были крестьянские. А сын – красавец, которого легко принять за университетского студента. Глаза у него были широко открыты, и только по неуверенной походке можно было понять, что он слепой.

– День добрый, – сказал отец, оказавшись рядом с Вангелией. – Не подскажите, как нам к директорше пройти?

Вангелия стояла, держа в руке лейку и не произнося ни слова. Что это она вдруг растерялась?

– Здравствуйте, – спускаясь с крыльца, сказала Ольга. – Пойдемте, я вас провожу.

– Кто там, папа? – спросил парень.

Поднимаясь на крыльцо, он то и дело оборачивался, словно мог видеть Вангелию. Непонятно, как он догадался, что она вообще есть – она ведь так и не произнесла ни слова.

– Девушка цветы поливает, – ответил отец. – Наверное, ты с ней учиться будешь. А это учительница твоя, – добавил он, кланяясь Ольге.

Прежде чем закрыть за собой дверь Дома, Ольга еще раз с удивлением взглянула на Вангелию. Та стояла как громом пораженная. А почему? Непонятно!

– У нас новый ученик, – сказала Ольга. – Его зовут Дмитрий. Надеюсь, вы подружитесь.

– Здравствуйте, – произнес Димитр.

Голос его звучал не слишком бодро. Наверное, у него не было никакой уверенности в том, что ему удастся подружиться с двумя десятками незнакомых людей, среди которых он оказался. А может, просто не привык еще к тому, что нет рядом любящих родителей, каждую минуту готовых прийти на помощь. Ольга вспомнила, как рыдала, прощаясь с сыном, его мама, как отец еле сдерживал слезы... Что ж, лучше этому хрупкому молодому человеку привыкнуть заботиться о себе самому здесь, в Доме, который не зря называют теплицей для слепых...

– Кто из вас возьмется опекать Димитра в первое время? – спросила Ольга, обводя взглядом класс. – Вангелия?

По ее взволнованному виду она поняла, что та будет совсем не против.

– Да, – тихо проговорила Вангелия.

– Вот и хорошо.

Учитель подвел Димитра к столу, за которым сидела Ванга. Он сел рядом. Ольга прошла в угол класса за свой стол.

– У тебя будет несколько дополнительных занятий, чтобы ты догнал класс, – сказала она Димитру. – А сегодня просто попробуй читать вместе со всеми.

Урок пошел обычной своей чередой. Ученики поочередно читали по огромной, занимающей чуть не весь стол, книге, набранной шрифтом Брайля. Такая книга лежала на каждой парте, и все могли следить за чтением.

– «Весна приходит неожиданно. Она похожа на первую любовь», – громко прочитал очередной ученик.

Рука Димитра коснулась книги, лежащей перед ним и Вангой. И тут же отдернулась – почти испуганно.

– Где сейчас читают? – тихо спросил он. – Покажи мне.

– Вот здесь.

Помедлив, Ванга взяла руку Димитра и положила на нужное место на странице. Димитр быстро и благодарно погладил ее руку и шепнул:

– Спасибо.

– «Как прекрасен этот первый расцвет природы! – читал дальше ученик. – Сколько радостей он обещает в будущем!»

Руки Ванги и Димитра следили за текстом, то и дело сталкиваясь на странице, и робко касаясь друг друга, и друг от друга отшатываясь, и снова соединяясь...

Глава 13

Весна – время прекрасное, но недолгое. А вот лето длится и длится, и нет конца его теплому течению. И хорошо!

Ученики – вернее, мужская их половина – спустились с крыльца Дома слепых на вечернюю прогулку. За три месяца, прошедшие с того дня, как он попал в Дом, Димитр стал чувствовать себя гораздо увереннее. Но все-таки, сходя с крыльца позади всех, он неловко качнулся и сбил планку деревянных перил.

– Ч-черт! – не сдержался он при этом.

– Ты чего? – спросил Стоян – парень, рядом с которым стояла кровать Димитра в спальне.

– Ничего, – ответил тот. – Идите. Я потом к вам приду.

Димитр вернулся в Дом. Проходя по коридору, он задержался было возле музыкального класса: вдруг Ванга играет на пианино? – с радостью бы послушал. Но тихо было за дверью, и, вздохнув, он пошел дальше.

Ванга тем временем сидела на своей кровати в спальне девочек, вышивала на пяльцах и слушала, как Ольга читает вслух. Читала она по-болгарски, но книга, Ванга знала, была русская, ее просто перевели на все-все языки на свете, потому что писатель, который ее сочинил, был великий – так Ольга говорит, а значит, так оно и есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.